

ТРИУМФ | Воспитанник Магнитогорской консерватории Никита Федотов стал обладателем Гран-при «Романсиады-2014»

Опера «Севильский цирюльник» Дж. Россини. Никита Федотов в роли Бартоло

ФОТО: ЕВГЕНИЙ РУЖАНИН

РИТА ДАВЛЕТШИНА

Блестящая медаль упакована в бархатную коробочку. «С неё копировали медали для сочинской Олимпиады», — уточняет Никита. Здесь же — буклет всероссийского конкурса исполнителей романсов «Романсиада»: среди лауреатов разных лет известные певцы, солисты ведущих оперных театров мира. Из самых раскрученных — Евгений Кунгуров и Николай Басков, покоривший «Романсиаду» 17 лет назад.

Зная, мягко говоря, снисходительное отношение академических певцов к звезде эстрады, не могу не пошутить в адрес Баскова: мол, а он-то чего тут делает? Федотов шутку не подхватывает: «Николай — прекрасный музыкант и замечательный человек, помогает многим вокальным конкурсам. Вот в этом году премии для лауреатов «Романсиады» выделил из собственных средств».

Высокий красавец с роскошным громогласным баритоном и задатками большого артиста, Никита Федотов, кажется, сам не осознаёт, чем наделили его природа и родители. К тому же, пока он не избалован славой и прессой. Потому в общении с журналистами не осторожничает в оценках и не боится откровенности.

Солист Магнитогорского театра оперы и балета с 18 лет, уже в 22 года он сыграл первую значительную оперную роль — доктора Бартоло в «Севильском цирюльнике» Россини. В ней он был настолько блестящ, что влюбил в себя публику с первого взгляда. В беседе с Никитой не могла не выразить восторга, который испытала на премьере «Цирюльника» от молодого певца. «Да, кривлянье — это моё!», — со смехом выдает Федотов, оценив таким образом, пожалуй, самое святое для артиста — актёрское мастерство.

Что ещё: не женат и ни с кем не встречается — размениваться на мелочи не хочет, а серьёзную любовь пока не нашёл. Мама — музыкант, авторитетный в Магнитогорской консерватории преподаватель дирижёрского мастерства. Отец — цитирую Никиту — «ни разу не музыкант», занимал пост в управлении уголовного розыска. Решению супруги отдать сына в музыку в раннем детстве перенять не стал — так Никита оказался в детском саду «Нотка», что работает «под крылом» консерватории. Дальше — традиционный путь магнитогорских музыкантов: лицей при МаГУ и участие в хоре мальчиков «Соловушка Магнитки» Александра Никитина, музыкальный колледж и консерватория и, наконец, аспирантура. Её

С роскошным голосом и детской душой

Никита окончил буквально пару недель назад, «отпев» государственный экзамен за пару дней до московского финала «Романсиады».

Вокалистом обладатель Гран-при «Романсиады-2014» Никита Федотов стал почти случайно — поначалу планировал стать дирижёром.

— Решил идти по маминим стопам, — начинаем разговор. — Репетировали с маманей, «руки ставили». Потом меня кто-то услышал — и посоветовал петь. По-моему, это было после того, как я в тринадцать лет съездил на конкурс. Так начал учиться у замечательного педагога Любови Александровны Мишуровой.

— Сейчас же все источники говорят, что ваш педагог — Николай Гольшев.

— Совершенно верно, и это вызвало много неточностей: кто-то называет меня студентом Екатеринбургской консерватории, кто-то, напротив, Николая Николаевича называет преподавателем консерватории Магнитогорска.

— А на самом деле?

— А на самом деле у каждого музыканта, окончившего консерваторию, есть возможность выбрать преподавателя для дальнейшей учёбы в аспирантуре. Я, разумеется, выбрал профессора Уральской государственной консерватории Николая Гольшева, оставшись при этом аспирантом здесь. Просто несколько раз в месяц езжу на уроки к Николаю Николаевичу. Почему именно он? Во-первых, мужчине-певцу нужен мужчина-учитель. Во-вторых, такого певца, артиста и педагога, как Гольшев, думаю, больше нет. В свои восемьдесят пять он обладает красивейшим баритоном, слушая который, невозможно представить себе, что его хозяин столь почтенного возраста. Голос молодой и мощный, а то, как Николай Николаевич передаёт эмоции, буквально вызывает слёзы. Я, конечно, очень счастлив быть учеником такого мастера.

— В роли оперного певца Никита Федотов произвёл блестящее впечатление. Правильно ли я понимаю, что романсы требуют камерности, более, что ли, интимной манеры исполнения? Сокровенные тексты, опять же, оркестр перекрывать не нужно...

— В общем, верно, но это не значит, что исполнение надо «снять с дыхания» — без «подачи» диапазон заметно ограничится, не хватит силы показать полноту эмоций и вокального мастерства. Словом, оперная техника здесь очень помогает. Сдерживание происходит, но на вокально-технологическом уровне.

— И потому, мне кажется, романсы исполнять сложнее, нежели оперные арии.

— Не знаю, сложнее ли, но сложно. «Романсиада» для меня не первый конкурс, их было много — и удачных, и не очень. Но «Романсиаде» благодарен за то, что открыла для меня романс, влюбив в него навсегда. Разумеется, пел их и раньше — на академических концертах, экзаменах в колледже и консерватории. Но так близко, осмысленно соприкоснулся с этим жанром впервые. Исполняя романс, надо пропустить его сквозь своё сердце, чтобы раскрыться, донести до публики то, о чём поёшь.

Если всё правильно почувствуешь, исполнение будет правильным — всё автоматически «раскрывается», голос «идёт» легко и свободно. И ответные эмоции от зрителя, конечно, — нечто невероятное. Заканчиваешь романс — а в зале тишина. Это самые страшные секунды твоей жизни: что я сделал не так, почему нет реакции? Оказывается, это зритель не может выйти из оцепенения — как бы возвращается из космоса чувств. Но проходит пара секунд — и зал взрывается овациями. Это, конечно, большое чудо. Думаю, теперь и в опере буду петь по-другому, учитывая полученные открытия.

— Как пришла идея участвовать в «Романсиаде»?

— Занимался с Николаем Николаевичем — готовился к государственному экзамену, в это время ему позвонила организатор конкурса Галина Сергеевна Преображенская и сказала, что нужен ещё один участник. Николай Николаевич спросил: «Поедешь?» Я согласился. За неделю подготовили программу, одержали победу в региональном конкурсе, и я поехал на финал в Москву. Кстати, хочу поблагодарить за большую помощь в

организации поездки городскую администрацию, комбинат и лично заместителя генерального директора ОАО «ММК» по внешним коммуникациям Владимира Эдуардовича Ругу.

— Первая ваша большая роль — доктора Бартоло в «Севильском цирюльнике». А дебютную роль на сцене театра помните?

— Конечно, это была роль ротного... кажется, его звали Трифон Петрович из «Евгения Онегина» (поёт): «... Полноте! Я сам очень счастлив...» Потом в «Онегине» же доверили роль Зарецкого — секунданта Евгения...

— То есть, не «Кушать подано», но и не особо заметные роли?

— (Смеётся). Ну а как вы думали! Восемнадцать лет — голос не сформирован, волнение такое, что двух фраз спеть не можешь. К тому же, я тогда сам не знал, нужна ли мне опера.

— Вот, кстати: когда вы поняли, что классическая музыка — любовь навеки? Не поверю, чтобы мальчик не испытывал внутреннего протеста, посещая музыкальную школу, когда его друзья гоняли в футбол.

— Не было протеста. Во-первых, всё-таки погружение в музыку с раннего детства. Во-вторых, всё получалось

легко, я не особо напрягался и не тратил много времени. А то, что получается, — обычно нравится. В-третьих, на остальное времени тоже хватало: параллельно с музыкой всегда занимался спортом, да и гулял много. Летом вообще с улицы не загонишь домой, с пацанами где-то лазили, хулиганили, вечно был ломаный-переломанный: то рука, то нога, то голова... Меня знали все травматологи города. Маманя целыми днями на работе, бабушка особо не уследит за внуком, так что свободы тоже было много. Но в восемнадцать я не думал, что стану профессиональным музыкантом. Наверное, вы правы, было как-то не комильфо пацану петь, танцевать на сцене. К тому же, в то время учился и активно подрабатывал: таксистом, охранником, получал вполне приличные деньги — зачем мне нужен был театр, который предлагал ставку в семьсот с чем-то рублей? Но

попробовал, получилось, понравилось — и «затянуло». Я люблю свою работу и никогда не устаю от неё. Нет, конечно, бывает усталость физическая. Но такого, чтобы: «Ой, как неохота сегодня идти в театр» — точно нет. И даже, казалось бы, рутинные занятия — по три часа ежедневно — доставляют удовольствие.

— Победа в очень авторитетном конкурсе «Романсиада» — серьёзная заявка на большую карьеру. Значит ли это, что город потерял вас?

— Не знаю. Многие говорят: мы всё понимаем, всё к тому и шло... А я сам ещё ничего не понимаю. На чемоданах не сижу, в другие театры не прошусь, пригласят сами — рассматриваю предложение. Скажу одно: мне нужно ещё очень многому научиться, и об этом думаю гораздо чаще, чем о том, уеду ли из Магнитки. К тому же, мне очень хорошо в нашем театре, он многое мне дал. Не каждому в восемнадцать доверяют стать солистом. Не каждый получает возможность творить, отгалкиваясь от собственного видения, импровизации. К тому же, далеко не каждый может похвастаться замечательным коллективом, сложившимся здесь.

— А разве творческие коллективы — не серпентарий?

— В других театрах, рассказывают, так и есть. У нас же собрались потрясающие люди, это настоящая семья, которую я вряд ли где встречу ещё. Мы дружны, волнуемся друг за друга, искренне радуемся успехам, ходим друг к другу в гости...

— В вас есть все задатки стать вторым Хворостовским — и голосовые, и внешние. Только вам не хватает для публичности этакой величественной сдержанности, умения преподать себя...

— (Смеётся). Последнее время часто слышу, что пора бросать колхозные привычки. Но, знаете, и Артистом Артистичным становиться не хочу. Меня ещё в школе спрашивали: когда ты начнёшь взрослеть и становиться серьёзным человеком? А зачем мне это? Жизнь и так слишком серьёзна, куда ещё-то? ☺

Среди лауреатов «Романсиады» разных лет известные певцы, солисты ведущих оперных театров мира